

моде или чем-то более существенным. Аналогично на суд читателя выносятся вопрос, насколько убедителен критический анализ потребительского общества в романе (даже если он и проблематизирован) и подчинена ли пелевинская автореферентная критика дистопической критике, или наоборот.

Независимо от того, какой ответ может быть получен на данный вопрос, «реализованная» дистопия, отвергающая спасительные свойства искусства и любви, обвиняющая все население страны в социальном тупике, отрезающая любые выходы из этого тупика и даже выстраивающая собственную монетарную метафизику, будет оставаться главной пелевинской тематикой на протяжении многих лет.

А.В. ТАГИЛЬЦЕВ

(г. Екатеринбург, Россия)

«РОТТЕРДАМСКИЙ ДНЕВНИК»: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ТЕКСТА БОРИСА РЫЖЕГО*

Текст, известный как «Роттердамский дневник», датируется 2000 годом. Впервые он был напечатан в четвертом номере журнала «Знамя» за 2003 год. Редакция получила рукопись от отца поэта Бориса Петровича Рыжего и его вдовы Ирины Князевой. Открытым остается вопрос о степени завершенности текста, равно как и о предполагавшемся названии. Редакция журнала использовала в качестве заглавия фразу из текста «...не может быть и речи о памятнике в полный рост...» и в качестве подзаголовка — «Роттердамский дневник». Именно под этим названием текст и стал широко известен читателям, под ним он был опубликован и в наиболее полном на нынешний день издании произведения Бориса Рыжего «Оправдание жизни» (Екатеринбург: У-Фактория, 2004 / Сост. Ю. Казарин).

Будучи само по себе достаточно удачным, название «Роттердамский дневник» (далее «РД») не до конца отражает жанровую природу этого текста и, возможно, в какой-то мере дезориентирует читателя, который не знаком или малознаком с творчеством и судьбой Бориса Рыжего. О том, что в основе текста, первая сюжетная линия которого связана с его поездкой в Роттердам на поэтический фестиваль в 2000 году, лежат не только документальные записки, уже сказано в

---

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002).

работах, посвященных личности и творчеству поэта¹. Царящая в тексте «РД» ирония роднит эту прозу с поэзией Б. Рыжего. Исследователи говорят об иронии и как о стилевой доминанте², и, что вполне закономерно, как о доминанте мироощущения лирического героя его поэзии³.

Таким образом, уже при первом приближении становится ясно, что нельзя рассматривать «РД» исключительно как текст non-fiction или как вариант дневниковой прозы. Скорее, перед нами имитация документа, псевдо-non-fiction, трансформирующая реальные элементы биографии автора текста⁴ в художественную реальность, где главную роль уже будет играть не достоверность документа, а убедительность творческого сознания, раскрывающегося читателю. Примеров же такой литературной трансформации, сочетающейся с определенной мистификацией не счесть, в том числе и в современности. Одним из самых знаковых текстов в русской литературе являются двухчастные «Записные книжки» С. Довлатова, но в отличие от них проза Б. Рыжего сюжетна (например, можно вспомнить повесть Довлатова «Ремесло», которая густо разбавлена фрагментами из обеих частей «Записных книжек» — «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM»).

Таким образом, наиболее точно охарактеризовать специфику произведения Б. Рыжего можно, выявив особенности развития сюжета, а это, в свою очередь, невозможно без разговора о весьма сложной архитектонике «РД». Именно тогда становится понятен замысел автора и то, что «дневниковость» этой прозы весьма условна.

С одной стороны, Б. Рыжий начинает с традиционной сюжетной схемы: записки о дне сегодняшнем (пребывание в Голландии) перемежаются с эпизодами воспоминаний автора текста, поэта Бориса Рыжего. Для того чтобы четко обозначить и отграничить два различных пласта текста, используются два разных шрифта. Такая модель часто

¹ «Этот текст, будь он опубликован до смерти автора, показался бы осведомленному читателю очень смешным. Умелый мистификатор, Рыжий с улыбкой, даже с издедкой говорит читателю то, что тот хочет слышать, развивает в якобы документальной манере созданные им в стихах мифы о вторчерметовских персонажах, причем зачастую развитию подлежат напрямую сюжеты стихов. Коллегам же, писателям, в этом тексте достается по полной — за провинциальность, за нарочитое безумие, за необоснованную жажду славы, за все». (См.: Чепелев В. Шотландский дневник // <http://mmj.ru/index.php?id=165&article=708>).

² «Основной прием интонирования у Рыжего — включение иронии» (см.: *Шайтанов И.* Дело вкуса. Книга о современной поэзии. М., 2007. С. 526).

³ «Герой Бориса Рыжего <...> трагичен, весел, ироничен до горьких слез» (*Казарин Ю.* Поэт Борис Рыжий: постижение ужаса красоты // Рыжий Б. Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004. С. 718).

⁴ И не только автора. В публикации «РД» (2004) Ю. Казарин в примечаниях отметил наиболее явственные трансформации биографии, вплоть до замены имени (!), других героев — уральских поэтов.

используется в прозе эссеистского типа: впечатления дня сегодняшнего вызывают в сознании героя ассоциации с его прежним личным (или внеличным) опытом, и герой, откликаясь, резонирует в ответ. Но Борис Рыжий усложняет сюжетную схему, уже полностью вывода повествование за рамки «дневниковой» прозы. Наряду с голландскими впечатлениями и воспоминаниями автора разворачивается третий сюжет, история с литературной премией «Мрамор», в трагестивированном виде задающая (и переворачивающая) уже привычную для российской поэзии тему памятника: предполагается, что один из живых и здравствующих поэтов, став победителем конкурса, получит самый что ни на есть рукотворный памятник из кладбищенского мрамора. Причем эта сюжетная линия идет параллельно пребыванию автора в Роттердаме, и он, по логике вещей, до последней страницы текста остается в неведении о происходящем в родном городе, хотя заочно и является одним из главных претендентов на премию.

Если упорядочить наблюдения над сюжетной схемой и соотнести их с временными и пространственными координатами, то мы получим следующую последовательность (по мере введения их в текст автором):

а) скитания поэта Бориса Рыжего в Роттердаме — настоящее время (эта линия плавно угасает примерно к середине и окончательно исчезает во второй трети текста);

б) воспоминания поэта Бориса Рыжего представляют собой цепь самостоятельных новелл и микроновелл: от отдельных зарисовок и размышлений до полноценных законченных историй; время — с раннего детства до моментов, близких к настоящему; место — везде, где бывал автор записок, но прежде всего Свердловск—Екатеринбург;

в) новелла о премии «Мрамор» — настоящее время с элементами футурологии (автору дневника «не положено» знать, как разворачивается эта сюжетная линия; кроме того, она заканчивается позже, чем тот временной промежуток, который отведен на скитания по Роттердаму), действие происходит в Екатеринбурге; отсюда же «отпочковывается» большая самостоятельная новелла о похождениях поэта Дмитрия Рябокопя и ироническая «романная» вставка «Первый сон Максима Амелина».

Случаен ли такой отбор материала? На фоне двух противоположных (и географически, и ментально) пространств разворачивается время-пространство судьбы автора текста. Кризис, который он переживает и проживает здесь и сейчас (в Роттердаме) и который не оставит его в будущем (в Екатеринбурге) протекает на фоне канвы всей его жизни. В пространство воспоминаний попадают важные моменты и эпизоды жизни:

— детство и взросление (поездка с отцом на охоту, «дворовые» зарисовки);

— учеба в Горном институте и практика (особенно развернута «кытлымская» новелла);

— любовь, семья и сын;

— работа в журнале «Урал», ссора с главным редактором Н. Колядой;

— попытка самоубийства и пребывание в психиатрической лечебнице;

— наконец, литературный успех и признание.

И конечно же, на протяжении всего текста звучит и является своего рода индикатором и вся тема поэзии. В «РД» повторяется значительная (если не бóльшая) часть мотивов поэзии Б. Рыжего; об этом свидетельствует и тематический перечень воспоминаний. Один из фрагментов текста начинается так же, как и написанное ранее стихотворение: «Я работал на драге в поселке Кытлым». Сюжет поездки с отцом на утиную охоту уже лег в основу прекрасной элегии «А иногда отец мне говорил». О «дворовых», «вторчерметовских» персонажах и сюжетах в стихах и в «РД» говорил уже и В. Чепелев в процитированном выше отрывке. Любовью и нежностью (но также ощущением боли и драматической сложности отношений) пронизаны многие стихотворения, обращенные к жене Ирине и сыну Артему. Наконец, тема смерти (иногда ранней и близкой) — неотъемлемая часть мироощущения лирического героя в поэзии Б. Рыжего.

Не менее важным для погружения в мир автора «РД» является круг персонажей, упоминаемых в тексте. А он буквально насыщен и перенасыщен людьми. Создается ощущение, что автор обязательно хочет отвести крохотный уголок каждому человеку, который имел или имеет какое-то значение в его жизни и судьбе. Это семья: отец, сестра, жена, сын; друзья-поэты Олег Дозморов, Роман Тягунов, Дмитрий Рябоконец, Максим Амелин, Александр Леонтьев; поэты старшего поколения, прежде всего те, с кем автор общался лично: Александр Кушнер, Владимир Уфлянд, Евгений Евтушенко, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн; десятки имен и прозвищ «обычных» обитателей свердловского двора и глухого уральского поселка. Даже старый уголовник дядя Саша и сосед по несчастью в больничной палате Петруха. А еще другие имена — поэтов и писателей, классиков и современников, с которыми автор текста лично не знаком по причине временного и пространственного несовпадения, но тем не менее определенно, пусть и пристрастно, обозначает свои культурные вкусы, предпочтения, просто знакомства: Вл. Луговской, Вл. Набоков, Г. Иванов, В. Ходасевич,

А. Блок, В. Брюсов, С. Есенин; И. Бродский, Л. Лосев, С. Довлатов, Юз Алешковский; и Державин с Денисом Давыдовым, и Лермонтов с Пушкиным и Гоголем; и еще имена, имена...

Поразительная населенность мира «РД», впрочем, вполне соответствует его временной и пространственной плотности и насыщенности. Переплетая таким образом три ведущие сюжетные линии, Б. Рыжий дает читателю возможность самому соотнести внутренний мир автора текста, переполненный нежностью, горечью, иронией и звучащий поэзией, своей и чужой, с «прозой жизни», окружающим миром, обступающим и ведущим куда-то часто вопреки воле поэта.

Реальность предлагает сыграть по-крупному.

И как бы хорошо ты не передегивал, эта дрянь передегивает лучше.

Но концепция Б. Рыжего не исчерпывается такой романтически однозначной определенностью. Во-первых, мир вокруг — это тоже мир звучащий, именно поэтому так много персонажей, а среди них так много поэтов, а среди поэтов — современников. Во-вторых, общее восприятие архитектоники «РД» определяется еще и весьма своеобразной субъектной организацией. Если в первых фрагментах текста, как уже отмечалось, Б. Рыжий стремится создать эффект «дневниковости», выстроив повествование от первого лица, автора «дневника», то ближе к финалу автор текста все чаще отходит в сторону, а повествование становится безличным и объективированным. Более того, если изначально главный герой текста автор записок, то во второй его половине им вполне отчетливо становится друг автора, поэт Дмитрий Рябокоть, отчасти его ироническое alter ego, насколько можно судить по взаимоотношениям поэта с действительностью. То же самое и в концовке текста: на последних трех страницах «я» автора «дневника» не появляется ни разу, повествование сплошь безличное, в финале об авторе «дневника» говорится в третьем лице. Причем «исчерпывающую» характеристику личности и творчеству поэта Бориса Рыжего дает его антагонист и «счастливый соперник» в борьбе за премию «Мрамор» поэт Туренко.

Подобная смена точек зрения является не только приемом, помогающим в очередной раз обнажить иронически-проницательный взгляд поэта, но и придать повествованию достаточно объективированный и стереоскопический характер. Художественный мир «РД» многопланов, многозвучен и многоголосен. Сюжетная модель строится по классической романной схеме: главный герой — автор записок — находится в состоянии кризиса, которому предшествует целая цепь уже преодоленных критических состояний. Также эпизоды

прошлое объясняют причины и суть нынешнего состояния героя. Наконец, объективированный финал предлагает филистерский взгляд из будущего на жизнь и творчество героя (оценка творчества Бориса Рыжего его антагонистом, «победителем» конкурса поэтом Туренко), но при этом позволяет иначе (и на сравнительно малом пространстве) решить поставленную художественную задачу. Герою нет необходимости в пределах данного текста преодолевать (либо трагически не справляться) с кризисом. Смена ракурса повествования и точки зрения повествователя делает финал открытым, прежде всего для самого автора. Вообще, феномен «РД» состоит в том, что он вполне отчетливо представляет собой романную структуру, открытую с обеих сторон. Повествование можно начать и с более ранней, и с более поздней точки, и закончить раньше или позже без всякой потери для художественной концепции. Подобная фрагментарность позволяет герою по воле автора войти в поток и выйти из него в любой момент. Подобная позиция, судя по творчеству, вообще была очень близка Б. Рыжему.

Итак, достаточно сложная архитектура «РД», соотношенная с особенностями пространственно-временной и субъектной организации, позволяет говорить о том, что независимо от реальной степени завершенности замысла Б. Рыжего фрагментарность и разомкнутость повествования, по всей видимости, изначально закладывались в текст. Это позволило на относительно небольшом пространстве выстроить фактически романную структуру, где круг творчества (поэзия) и круг жизни (конкретные обстоятельства существования поэта) вместе образуют единый, неразделимый и противоречивый круг бытия. Это обуславливает и кризис главного героя — автора записок — и в то же время позволяет фиксировать и самые значимые моменты душевной жизни, его константы бытия, при этом не теряя связи с повседневностью, с тем, чем поэт дорожит в вещном, текущем мире. Хотя чаще бывает наоборот, но прозаический «Роттердамский дневник» в какой-то степени оказался квинтэссенцией поэтического мира Бориса Рыжего, нервом его поэзии. Поэтому вполне логичной кажется типологическая близость этого произведения к лирическому роману либо роману-эссе со значительной долей автобиографического начала. При этом вопрос о фактической завершенности текста в какой-то степени отходит на второй план, особенно с учетом его изначальной двусторонней сюжетной и фабульной открытости.